

А. А. Сысоев, Д. Б. Кавецкий

СОДЕРЖАНИЕ СЛУЖБЫ ПРИБОРНЫХ ЛЮДЕЙ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ КАК СЛЕДСТВИЕ ИХ ПОЛОЖЕНИЯ

В статье рассмотрено содержание службы приборных людей на территории Восточной Сибири в XVI–XVII вв. Отражаются социальные механизмы, оказавшие влияние на положение служилых людей и их отношения с воинскими начальниками и с коренным сибирским населением.

Ключевые слова: приборные люди; Восточная Сибирь; царские наместники; казаки; злоупотребления; насильственные действия; коренное население.

A. A. Sysoyev, D. B. Kavetsky

THE CONTENT OF THE SERVICE MERCENARY PEOPLE IN THE EASTERN SIBERIA AS A RESULT OF THEIR POSITION

The article considers the content of the mercenary people service on the territory of Eastern Siberia in XVI–XVII century. It reflects the social mechanisms that influenced over the mercenary people provision and their relationships with the military chiefs and the indigenous Siberian population.

Keywords: mercenary people; the Eastern Siberia; royal governors; Cossacks; abuse; violent acts; the indigenous population.

По мнению отечественных исследователей, освоение Восточной Сибири было неразрывно связано с деятельностью приборных людей. Как отмечает Г. А. Леонтьева, «Их исследование остаётся актуальным, поскольку оно связано с дискуссионными моментами, важными для решения кардинальных проблем сибирской историографии: оценки сущности характера присоединения Сибири, роли государства и различных категорий населения в этом процессе, их вклада в политическое, административное, военное, экономическое, культурное развитие региона» [10. С. 5].

«По прибору» в Сибири служили стрельцы и казаки, выполнявшие воинские обязанности за жалованье деньгами, натуральной дачей хлеба и соли. Служба приборных людей заключалась в покорении инородцев, сборе ясака и охране границ. Кроме того, казаки и стрельцы заступали в караулы, конвоировали ссыльных, сопровождали казённые грузы, выполняли полицейские функции.

За нелёгкую и полную опасностей службу конным казакам выдавалось 7–8 руб. в год, пешим – от 4 до 5 руб. Хлебные оклады составляли от 30 до 50 пудов, а соляные – от 20 до 40 кг.

При наборе десятские и рядовые служилые люди давали сотнику «поручные записи» о том, что «госу-дареву службу служити, а не воровати, корчмы, блядни не держати, и зернью не играти, и не красти, и не розбивати и не сбежати» [19. С. 99].

Однако, как утверждал русский историк-архивист Пётр Никитич Буцинский, «приборные люди своё путешествие в Сибирь сопровождали страшными разбоями и грабежами, а для населения тех областей, чрез которые они проезжали, наступали дни величайших бедствий».

Вот как описывает П. Н. Буцинский события, произошедшие в вотчине боярина Д. И. Годунова в связи с появлением в ней служилых людей, направлявшихся в Сибирь: «Крестьян били и грабили, жён крестьянских соромотили, убили из пищали крестьянина, а у иных многих крестьян животину коров, свиней побили и платье пограбили, по дороге многих людей били и грабили и ямщикам за подводы прогонов не давали» [3. С. 185].

Другой отряд сибирских первопроходцев под руководством стрелецкого головы Андрея Кубасова разбоями и грабежом опустошил целый уезд. В поданной царю челобитной Соли-Вычегоцкий земский староста Василий Юрьев сообщал о том, что «в 1635 году в марте ехали по твоему указу с Колмогор мимо Соли Вычегоцкой стрелецкий голова Андрей Кубасов, пять сотников, да 500 человек стрельцов, а как они прибыли, то начали старостишку Ваську, посадских целовальников и волостных крестьян и земского дьячка во дворе бить и увечить на правеже насмерть и вымучили у нас великие поминки денег 220 руб. Затем по деревням били и мучили крестьян, забирали коров, овец, свиней и всякое имущество, ломали житницы и выбирали хлеб, били и мучили проводников. И от тех грабежей и насильств волости Усольского уезда запустели, и крестьяне оскудели» [3. С. 186].

Таким образом, ещё на пути в Сибирь приборные люди совершали достаточно большое количество противоправных деяний. Оказавшись же на значительном удалении от центральных властей, обладая существенной автономией, вооружённые и жадные до добычи первопроходцы сопровождали свои сибирские походы неоправданной жестокостью. При этом от произвола служилых людей страдали и уже осевшие на новых землях крестьяне, и коренные жители – инородцы.

В этой связи Иркутский губернский воинский начальник В. К. Андриевич отмечал, что «служба казаков в сибирских городах была заманчива возможностью легко добывать средства, потому что была сопряжена с обязанностью собирать ясак, которая, помимо добровольных приношений сопровождалась вымогательствами» [2. С. 149].

О наиболее «громких» происшествиях, связанных со служилыми людьми, сообщал в своих работах русский археограф Н. Н. Оглоблин, исследовавший в конце XIX столетия столбцы и книги Сибирского приказа.

По сведениям Н. Н. Оглоблина, в 1653 г. 27 служилых людей Верхотенского острога под началом Прокофия Кислого и Василия Черкашина попытались уйти в Даурские земли, причём, «пробираясь на Амур, ознаменовали свой путь грабежами и насилиями над торговыми людьми, крестьянами и прочими» [12. С. 158].

Не менее тяжёлые последствия для сибиряков имели события, описанные в «Илимском сыском деле». Как следует из сохранившихся источников, в 1655–1656 гг. весь Илимский острог и соседние уезды охватило волнение в связи с появлением атамана М. Сорокина, собиравшего «воровской полк» для похода на Амур [16. Л. 4].

Явившись со своими людьми 15 мая 1655 г. на Усть-Кутское зимовье, где проходила ярмарка, Сорокин убил двух промышленных людей и двух ранил. Добычу преступников составили таможенный сбор – 1000 руб. и 50 сороков соболей.

Однако более чем крупной, по меркам того времени, добычи служилым людям оказалось недостаточно. «Сорокинцы» продолжили бесчинства. В первую очередь нападениям подвергались торговые люди. Только у одного из них – Прокофия Фёдорова было ограблено товаров на 2 539 руб. 16 алтын и 4 деньги.

В своём стремлении к преступному обогащению нападавшие не обошли вниманием и имущество царского наместника – якутского воеводы Михаила Семёновича Лодыженского. Н. Н. Оглоблин приводит данные о том, что «у приехавших на ярмарку людей воеводы сорокинцы пограбили всякие запасы и вина горючие, после чего похвалялись разбоем идти на Илимский острог, убить воеводу Оладына, а город разграбить» [13. С. 214].

Подобное стремление служилых людей к устрашению сибирских начальников объясняется некоторыми отечественными исследователями как следствие многочисленных случаев казнокрадства со стороны воевод, укрывавших часть хлебного и денежного жалования [6, 7].

Между тем известно, что воинские начальники, назначаемые на службу в Сибирь, формировали отряды приборных людей без особого разбора из всех, выразивших на то желание. На службу верстались и те, кто подлежал жестоким наказаниям за тяжкие преступления. Так, например, в деле 1696 г. «О заморских казаках» приводятся следующие факты из биографии одного из селенгинских служилых людей – Ганьки Безрукого: «Будучи на службе в Тобольске на карауле у бухарских посланцев, товарищей своих двух зарезал ножом и у бухарцев покрал многие животы». Первоначально Г. Безрукий был приговорён к смерти. Однако впоследствии оказался привёрстан к службе в Селенгинский острог [18. Л. 5].

Та же «служилая» участь ожидала казаков, «приступивших под предводительством Петрушки Сорокина в Нарыме к острогу с великим шумом и боем, с канатами и баграми с намерением государеву казну пограбить и торговых людей из острога мучить». Пройдя после этого по заимкам и деревням Тобольского и Енисейского уездов, казаки ограбили «у

многих житейских и торговых людей животы и скот», повинились, и, в конечном счёте, были посланы на государеву службу в Удинский и Селенгинский остроги [8. С. 101].

«Наказание за тягчайшие преступления для сибирских первопроходцев являлось символичным», – утверждал в своих трудах П. Н. Буцинский. По сведениям автора, «для таких преступников, как разбойники и душегубцы, тюремное заключение продолжалось год, два и редко три, а потом они опять верстались в службу или сажались на пашню» [3. С. 184].

Таким образом, в служилой среде сосредоточивалось значительное количество людей, уже неоднократно преступавших закон, утративших свои социальные связи и проецировавших собственный образ жизни не только на сослуживцев, но и на отношения с властными структурами. Причём в некоторых случаях взаимные претензии царских наместников и служилых людей перерастали в вооружённое противостояние и сопровождались многочисленными жертвами.

Одно из первых таких происшествий описывается В. К. Андриевичем. По сведениям автора, в 1629 г. «50 казаков испросили у воеводы Дубенского разрешения идти против бурят, но с тем, чтобы им дозволено было раньше зайти в Енисейск за получением провианта ...однако выяснилось, что казаки эти хотели умертвить енисейского воеводу и перерезать гарнизон Енисейска и Маковского острога» [2. С. 152].

Не менее драматично складывались события на Камчатке, где в 1711 г. 75 служилых людей во главе с Данилой Анцифировым решили, «что за дальним расстоянием их жалобы на местных начальников не дойдут до государя», подняли бунт и казнили приказчиков. Подробные обстоятельства расправы над приказчиками описаны В. К. Андриевичем. По сведениям автора, 29 января казаками Харитоном Березиным, Григорием Шибановым и Степаном Большаковым за то, что «для своих корыстей к казакам всячески приставал, сажал в казёнку», был убит приказчик Липин. 11 февраля казаки Алексей Постников, Григорий Шибанов и Андрей Петров под предлогом вручения фальшивой челобитной приблизились к казачьему голове Владимиру Атласову и зарезали его ножами. 20 марта приборные люди бросили в воду приказчика Петра Чирикова, который, по их мнению, стал жить «негоразно, забыв страх божий, великого государя денежную соболиную казну воровал» [2. С. 363, 365].

Наиболее массовые выступления приборных людей против царских наместников описываются в работах советских историков Ф. Кудрявцева и Г. Вендриха. Авторы сообщают, что «19 мая 1696 г. около 200 казаков приплыли в Иркутск из-за Байкала моря в боевом порядке: с ружьями и боевыми припасами». Возглавляли казаков Удинского, Селенгинского, Ильинского и Кабанского острогов Семён Краснояр, Кузьма Кудреватый и Антон Березовский. По версии авторов, цель прихода казачьего войска заключалась в истребовании у Иркутского воеводы Афанасия Савелова жалования за 1695 и 1696 гг.

Однако ни хлебного, ни соляного, ни денежного жалования у А. Савелова казакам получить не удалось. Воевода укрылся в Иркутском остроге и, как указывают Ф. Кудрявцев и Г. Вендрих, «лицемерно заявил, будто забайкальские служилые люди на 1695 и 1696 г. все получили» [8. С. 30].

Дальнейший путь забайкальских казаков, отправившихся вниз по р. Ангаре, был отмечен грабежами и убийствами. «В Идинском и Бельском острогах и по заимкам, — докладывал в своей отписке А. Савелов, — служилые люди всяких чинов жителей разорjali и животы их пограбили без остатку» [8. С. 31].

Сведения А. Савелова нашли подтверждение в розысках воеводы Ивана Николаева, расследовавшего убийство иркутских служилых людей Прохора Караваева, Данилко Домашнева, Митки Безрукого, Ивашки Мягкого, Фомки Кузнецова и Ивашки Тарханова.

Результаты дознания показали, что «выше Брацкого острога под Кежемскою деревней 40 заморских казаков учинил бой иркутским казакам и убийство и битых шесть человек привезли в Братский и на приезде учинили из ружей стрельбу и после убитых платье и обувь, раскликая, продавали и по себе делили, а раненых иркутских поставили на дворы и, приходя, угрожали смертью» [8. С. 110].

События, связанные с бесчинством «заморских» казаков на иркутской земле, оказались фатальными и для воеводы А. Савелова. Последовавшие затем розыски думного дьяка Данилы Полянского, начатые по челобитным письмам Селенгинских служилых людей, открыли факты получения взяток, верстания в неуказанные чины и ...измены со стороны самого Иркутского воеводы.

«Будучи де в Иркутску воеводою, — доносил в своей челобитной Иркутский казак Федор Челюскин, — Афанасий Савелов без указа великого государя и без грамоты верстал многих людей в дети боярские, а иных в атаманы, в пятидесятники и десятники, а иным и прежним окладам чинил придачи многие» [17. Л. 7].

Самым тяжким проступком воеводы являлась продажа калмыцкому Бутухтухану огневых припасов к оружию и других товаров, запрещённых к торговле с иностранцами. Подобные деяния царских наместников трактовалось уже как измена.

На похожих принципах строил свою службу Красноярский воевода Алексей Башковский, сумевший всего за два года с 1694 по 1695 г. восстановить против себя всех подведомственных ему служилых людей. Современный исследователь В. Зоркин, описывая те события, отмечает что «все они в своих челобитных обвиняли воеводу в лихоимстве, называли “грабителем и разорителем” за то, что он брал “великие взятки” товарами, деньгами и даже пленными людьми» [4. С. 115].

Кроме того, по сведениям Н. Н. Оглоблина, «красноярцы прямо обвиняли воеводу в “изменном деле” из корыстолюбивых побуждений. Они утверждали, что Башковский посылал в киргизскую “немирную орду” своего человека Якова Аргамачка с свинцом, порохом, “добрыми коням”» и с

разными товарами. Всё это выгодно продавалось киргизам, которые с этим же порохом и свинцом приходили “воевать” с красноярцами» [12. С. 45].

Такое явное проявление корыстных устремлений в среде сибирских начальников не являлось исключительным и носило к указанному времени повсеместный характер. На это указывают исследования как современных, так и дореволюционных историков.

«Злоупотребления были многочисленны и разнообразны», – утверждает отечественный исследователь В. Кулешов. В своём историческом очерке «Наказы Сибирским воеводам в XVII веке», опубликованном в 1896 г., автор приводит сведения о том, что «Енисейский воевода Василий Голохвостов без государева указа верстал в службу гулящих и промышленных людей, а не стрелецких и не казачьих детей и от того брал себе денежное, хлебное и соляное жалованье... многим посадским людям причинял большие убытки, а иных чинов людей бил и мучил и в тюрьму сажал... отдавал на откуп для своей корысти зернь и корчму, а безмужных жён отдавал на блуд и брал от всего этого откупу 100 рублёв и больше, приказывал блудным жёнкам наговаривать на проезжих торговых и промышленных людей напрасно, и тех людей по их оговору, без сыску и без распросу сажал в тюрьму» [9. С. 22].

«Нигде, кроме Сибири, злоупотребления воевод не доходили до той грандиозной степени, когда населению становилось совершенно “не мочно жить”», – констатирует Н. Н. Оглоблин [14. С. 44]. Из рассмотренных 106 сыскных дел Сибирского приказа в 52 говорилось о злоупотреблениях воевод и их товарищей [12. С. 179].

Повсеместные и многочисленные случаи превышения полномочий, допускаемые царскими наместниками, ложились тяжким бременем на сибирское население и пагубно воздействовали на поведение служилых людей. На это обстоятельство указывает в своих исследованиях В. К. Андриевич. По мнению автора, «воеводы отдалённых городов были вполне самостоятельны... это обстоятельство способствовало развитию склонности к произволу как в них самих, так и в их подчинённых исполнителях, то есть в казаках, которые в буквальном смысле слова были вольницею и грабителями, с которыми не всякий мог справиться» [2. С. 154].

Преступное злоупотребление властью со стороны сибирских начальников и поборы, сопряжённые с насилием, чинимые служилыми людьми, крайне негативно отражались на их отношениях с инородцами. Несмотря на царский указ «О нечинении казней и пыток сибирским ясачным инородцам», прямо указывавший, «чтоб ясачных людей не грабили» [2. С. 363], приборные люди, по сведениям В. К. Андриевича, «разоряли инородцев... вымогательство было [их] отличительною чертой в конце XVII столетия, и в Сибири оно достигло наивысшего развития» [2. С. 363].

По утверждению В. Кулешова, «притеснения вызывали среди инородцев нередко бунты: они не платили ясака и отходили в подданство в другие государства» [9. С. 18]. В некоторых случаях ясачное население,

стремясь избежать поборов и разорения, совершало наиболее тяжкие преступления – убийства приборных людей.

Так, в феврале 1642 г. инородцами были уничтожены отряды русских ясачных сборщиков Воина Шахова, Алексея Гнутаго, Осипа Галкина, Остафия Михалевского и Григория Летнева [5. С. 79].

Спустя шестнадцать лет, по сведениям В. Зоркина, «все приангарские и верхоленские буряты, доведённые до отчаяния жестокостями и притеснениями балаганского управителя Ивана Похабова, в 1658 г., убив казаков, разосланных им для сбора ясака, ушли к Монголии» [4. С. 11].

С ещё большей жестокостью отвечали на неповиновение инородцев царские наместники. Наиболее грозную память оставил о себе Якутский воевода Пётр Петрович Головин, расследовавший обстоятельства «Якутской измены 1642 г.». Из документальных источников, описывающих якутские события, известно, что «Головин по этому делу сажал в тюрьму, пытал и жёг огнём, так что многие инородцы с таких пыток и с голоду и со всякой тюремной нужды умирали в тюрьмах... якутов лутчих людей и аманатов повесил 23 человека, а иных выбрав же лутчих людей бил гнутьём без пощады, а с того кнутья многие якуты померли, и тех мёртвых Пётр вешал же» [9. С. 20].

Жестокое отношение царских наместников к проступкам инородцев и попустительство преступным действиям своих подчинённых поощряло вседозволенность и стремление к преступной наживе за счёт коренных жителей, деформировало мироощущение стрельцов и казачества. Вследствие чего изменялись нравственные устои служилых людей. Многожёнство, торговля женщинами, сожительство с родственниками и детьми становились их поведенческой нормой.

Современники тех событий указывали верховным властям на факты «крайне отвратительного полового разврата». П. Н. Буцинский, при исследовании нравственности в казачьей среде отмечал, что «иные женились на сёстрах двоюродных и родных, на дочерях своих, блудом посягая на своих матерей и дочерей». По сведениям автора «многие служилые люди, отправляясь по делам службы в Москву или в другие города, закладывали своих жён на сроки, а те люди, у которых они были в закладе, жили с ними и блуд творили беззастенчиво до тех пор, пока мужья их не выкупали. Если же по истечении срока мужья не выкупали заложенных своих жён, то кредиторы продавали последних на воровство и на работу всяким людям» [3. С. 266].

По мнению Н. Н. Оглоблина, «развращённость сибиряков в XVII в. превосходила всякую меру... особенно часты были нарушения седьмой заповеди». В качестве примера археограф приводит сыскные дела об изнасиловании в Енисейске Михаилом Муравьевым своей дочери и об истязаниях и убийстве в Туруханском зимовье десятилетнего купленного якутского мальчика Христофора [12. С. 192].

При таком состоянии нравственности отправляемые в Сибирь для продвижения православия и опеки над служилым людом представители духовенства сами преступали закон. Как замечает исследователь иркутской

епархии О. Е. Наумова, в этот период «среди священнослужителей были распространены пьянство, вымогательство, воровство, злоупотребления и беспорядки в церковных хозяйствах, которые подрывали авторитет церкви» [11. С. 192].

«А попы сибирских городов, чёрные и белые, такие беззакония не запрещают... в сибирских монастырях царит полнейший разврат: монахи развратничают и с монахами, и с мирскими людьми... белые попы не учителя, а бражники, монастыри служат примером разврата», – указывалось в сообщениях сибирских архиепископов [3. С. 267].

Основными причинами снижения моральных норм среди сибирских первопроходцев церковные иерархи считали значительную удалённость приходов и монастырей от Московского патриархата и пагубное влияние инородческой культуры.

Однако не вызывает сомнений и то, что наряду с внешними факторами определённое влияние на нравственное состояние служилых людей оказывали устои и обычаи, сформированные в ходе покорения сибирских земель. Вторгаясь во внутренний мир коренного населения, стрельцы и казаки частично перенимали образ жизни инородцев, их нравы и быт. Кроме того, не следует забывать, что непременным атрибутом военных походов являлась нажива, сопряжённая с насилием и убийством. По мере их завершения приобретённые в ходе военных действий обычаи обогащения проецировались уже на покорённые территории и население их осваивающее. Удалённость от метрополии и фактическая безнаказанность противоправных деяний обуславливали не только широкое распространение подобных традиций в служилой среде, но и размытость границ между преступлением и военными действиями.

Повсеместные и многочисленные случаи превышения властных полномочий со стороны царских наместников и бездействие представителей духовенства усугубляли ситуацию.

Систематические грабежи и насильственные действия в отношении инородческого населения на покорённых территориях приводили к противодействию со стороны наиболее воинственных его представителей, выразившемуся в нападении на служилых людей и, как следствие, существенному снижению их личной безопасности.

Всё вместе взятое формировало особое положение служилых людей, существенно отличавшееся от условий службы в Московском государстве. Характерными особенностями их службы в Сибири являлись более низкие требования к соблюдению закона и более высокие риски гибели, распушенность нравов и преобладание культа наживы.

Возможность быстрого незаконного обогащения на примере воинских начальников-воевод детерминировала службу приборных людей, основным вознаграждением за которую являлось уже не государево денежное и хлебное жалование, а возможность безнаказанного совершения грабежей у инородцев, промышленных людей и купцов.

Стремление к наживе зачастую превалировало над служебными обязанностями и вело к прямому неподчинению царским наместникам в форме вооружённого бунта.

Таким образом, благодаря воздействию целого ряда факторов, обуславливавших положение приборных людей, фактическое содержание их службы в Восточной Сибири представлялось во многих случаях уже как нарушение существовавших законов и при определённых обстоятельствах переводило их из разряда служилых в разряд «воровских людей».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Александров В. А. Материалы о народных движениях в Сибири в конце XVII в. // Археографический ежегодник. – 1961. – С. 345–386.
2. Андриевич В. К. История Сибири. Период от древнейших времен до установления главенства города Тобольска и основания Иркутского острога. – СПб., 1889.
3. Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых её насельников. – Харьков: Тип. губ. правления, 1889.
4. Зоркин В. И. Иркутские градоначальники: Воеводы и вице-губернаторы (1661–1764). – Кн. 1. – Иркутск: Репроцентр А1, 2011.
5. Ионова О. В. Из истории якутского народа (первая половина XVII века). – Якутск, 1945.
6. Кудрявцев Ф. А. Восстания крестьян, посадских и казаков в Восточной Сибири в конце XVII в. – Иркутск, 1939.
7. Кудрявцев Ф. А. От казачьего зимовья до советского Иркутска. – Иркутск, 1940.
8. Кудрявцев Ф., Вендрих Г. Иркутск, очерки по истории города. – Иркутск, 1971.
9. Кулешов В. Наказы Сибирским воеводам в XVII веке: исторический очерк. – Белград, 1894.
10. Леонтьева Г. А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). – М., 2012.
11. Наумова О. Е. Иркутская епархия, XVIII – первая половина XIX в. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 1996.
12. Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 1: Документы воеводского управления. – М., 1895.
13. Оглоблин Н. Н. Бунт и побег на Амур «воровского полка» М. Сорокина // Русская старина. – 1896. – С. 214.
14. Оглоблин Н. Н. Красноярский бунт 1695–1698 гг. // Журнал министерства народного просвещения. Седьмое десятилетие. – СПб.: Тип. В. С. Балашева и Ко, 1901. – С. 45.
15. Полное собрание законов Российской Империи: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г. – СПб.: Тип. 2 отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. – Т. 3.

16. Российский государственный архив древних актов (РГДА). Ф. 214. Оп. 3. Д. 1745.
17. Там же. Оп. 2. Д. 1642.
18. Там же. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 1702.
19. Русская историческая библиотека. Т. 2 – СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1875.